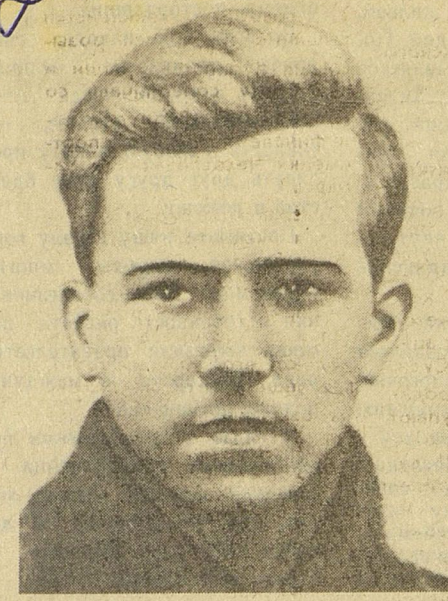

48 СИГАЛОВ А

ИМЕНА В ИСТОРИИ

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ:

„Хорошо вспоминаю его...“

— Таким образом, товарищи, положение в городе сложилось критическое: полностью или частично разрушены заводы и фабрики, транспорт и коммунальное хозяйство. Из-за плохой работы водопровода и жуткой антисанитарии в городе свирепствуют тиф, туберкулез, кишечные и инфекционные болезни.

Кулацкие банды, которыми наводнена губерния, систематически уничтожают все виды продовольствия. Сегодня мы еще выдаем в одни рабочие руки 200 граммов хлеба, но завтра не будет и этого. Два фунта крупы, фунт соли, полфунта сахара — вот и весь рацион...

Секретарь губкома комсомола Яков Малкин уже давно чувствовал на себе взгляд незнакомого парня и потому резко прервал свою речь:

— Ты ко мне, товарищ!

Незнакомец в буденовке и длинной шинели, прихрамывая, подошел к столу, протянул Малкину мандат:

«Предъявитель сего тов. Островский Николай Алексеевич не щадя жизни сражался в конных частях Котовского и Буденного...»

— Друзья, — Малкин снова обратился к залу, — перед вами красивый конник, герой гражданской войны, наш комсомольский товарищ. Он расскажет о сабельных походах, о нашей доблестной коннице. Прошу к трибуне.

Зал поднялся, зааплодировал, и в шумной овации никто не расслышал первых слов. Когда снова стало тихо, конармеец снял буденовку и ровным, но хорошо поставленным голосом сказал:

— Прошу губком комсомола направить меня на работу. Желательно на трудную.

Зал робко зааплодировал, но Малкин, подняв руку, снял аплодисменты.

— У нас, товарищ, работу трудно, — сказал он. — Взять, к примеру, железнодорожный транспорт. Только по нашей, Юго-Западной железной дороге, мертвыми стоят шестьдесят два процента паровозов, тысячи и тысячи вагонов. А почему стоят? Некому ремонтировать.

— Я понял, — отозвался конармеец. — Пиши направление на работу.

— В Главных железнодорожных мастерских спроси секретаря комячейки товарища Забарского, скажешь, что от меня. Понял...

Киевские Главные железнодорожные мастерские встретили Николая Островского транспортом «Здоровый паровоз — гвоздь революции». Развернутый во всю ширь заводских ворот, он хорошо пояснил и оправдал присутствие на заводском дворе красногвардейцев, нес-

ших охрану цехов, складов и каждого отремонтированного паровоза.

Старый красногвардеец, стоявший на проходной, едва взглянув на Островского, бросил отрывисто:

— Проходи.

Николай понял (это уже случалось не раз), что пропуском ему послужила буденовка с красной звездой. Она же вызвала уважение и у секретаря комячейки Бориса Забарского.

— В Киеве впервые? — спросил он, пожимая Николаю руку.

— Да нет. Год назад, после ранения под Львовом, был отправлен к вам в военный госпиталь. Рана была тяжелой, ходить не мог, так что с городом знаком плохо.

— Ну а работать где собираешься?

— Где поставишь.

— Нам сейчас молотобойцы позарез нужны. Но с твоей ногой... Слушай, а профессия у тебя есть?

— Да вроде есть: я в Шепетовке на электростанции помощником электромонтера работал. Но многое, признаться, позабыл.

— А мы тебя и здесь по этой части определим. Согласен?

Начальник электротехнического цеха Владимир Иванович Сикорский приветливо встретил новичка, не мешкая, проводил на рабочее место.

— Работы будет много, у нас все станки питаются от электричества. А кроме того, каждый паровоз, все вагоны дальнего следования имеют автономную энергосистему. Конечно, не электростанция, но...

Николай огляделся: низкий сводчатый потолок, грязные стены, заклеенные бумагой и... удивительный беспорядок вокруг. «С этим буду кончать», — решил про себя.

Он снял шинель, раздобыл кирку от масла метлу и принялся за дело. Рабочие равнодушно смотрели на него, и лишь один из них, Василий Фадеев, не устоял: видя, что боль в ноге мешает Николаю таскать воду, он вырвал у него ведро, побегал к водоразборной колонке.

Через два часа все вокруг посветлело, посвежело и заблестело то, что способно было блеснуть.

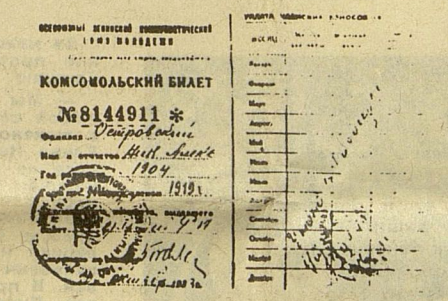
— А ты, парень, правильно понял, — говорил Николай Фадееву, который сливал ему на руки горячую воду, — революционный рабочий, как и революционный боец, начинается с чистоты и порядка. Без этого нельзя.

Встретившись через несколько дней с Забарским, Николай попросил его внести вопрос о порядке и чистоте на производстве в повестку дня ближайшего комсомольского собрания.

— Теперь это в твоей власти, — улыбнулся Забарский и пояснил, — есть мнение Соломенского райкома комсомола — секретарем комсомольской организации Главных железнодорожных мастерских рекомендовать товарища Островского, то есть тебя.

Кандидатуру Островского комсомольское собрание утвердило единогласно.

Осень 1921 года выдалась в Киеве дождливой, холодной, и в довершение ко всему — рано ударили морозы. Они-то и застали город, что называется, врасплох. К множеству проблем,

над которыми бился киевляне, неожиданно прибавилась еще одна — топливная. Длинные очереди вытянулись у дровяных складов, но их заколоченные двери встречали людей страшными в своей безысходности объявлениями: «Дров нет и не будет».

Мерзли дети в школах и детских домах, в квартирах и учреждениях не работало паровое отопление, электростанции не давали электричества, в Главных железнодорожных мастерских застыли на путях готовые к отправке паровозы — нечем было забрасывать топки.

«Это поухе любой диверсии», — подумал Николай и очень удивился, когда эти же слова услышал на 5-й губернской партийной конференции. От железнодорожных мастерских на ней присутствовали секретарь партийной организации Александр Боков и он — секретарь комсомольской организации Николай Островский.

Поругав погоду и нерадивых хозяйственников, первый секретарь губкома партии Лаврентий Иосифович Картавелишвили сказал:

— Во всех окрестных лесах лежат в штабелях тонны дров. Да вот беда — доставить их нечем. Губпартком с особой надеждой смотрит на вас, товарищи железнодорожники...

Утром следующего дня Боков и Островский поднимали людей в поход на Боярку. Когда площадь у подъездных путей заполнилась до отказа, Боков, к полной неожиданности Островского, предоставил ему слово. Николай быстро собрался с мыслями и очень зримо представил, что перед ним сейчас не рабочие в промасленных бушлатах, а кавалерийский эскадрон, который нужно поднять в атаку...

— В один строй с разрухой, тифом, кулацкой пулей сегодня встал невиданный холод. На этом холоде рассчитывают нагреть руки остатки буржуазии и недобитая контрреволюция. Мы, пролетариат Страны Советов, никогда не допустим этого! Коммунисты, комсомоль-

цы, а с ними вся пролетарская масса не пощадят себя, самой жизни не пожалуют, чтобы спасти город...

Молча, без толчеи стали подходить добровольцы. Первыми записались Михаил Васильев, Михаил Скворцов, Василий Фадеев, Павел Лещенко, Александр Шокин, Виктор Старчеус, Михаил Сумовский, Василий Колбасинский.

Еще не было Магнитки и не было Днепрогэса, но в неистовой самоотдаче уже рождалась Боярка — первая ударная комсомольская стройка. Валит с ног холодный ветер, хлещут бесконечные ливни, свистят бандитские пули, но железнодорожная ветка задействована в немыслимо короткий срок. Город спасен и обогрет, но метется в тифозном бреду отважный комсорг...

Потом было обескровленное лицо, истощенное недоением и ослабленное болезнью тело и... перрон Киевского вокзала — ребята провожали своего комсорга. Он знал: только заботливые руки матери способны вернуть организму силы, влить в него живительные соки.

Непродолжительное пребывание в Шепетовке и снова Киев, снова родной коллектив! Что изменилось в нем? Нище стало в цехах и на заводской территории, выросли ряды комсомольской организации. Победа в Боярке сдружила ребят, сплотила их в коллектив.

Но были и страшные боли в ногах и прежних ранах, подорванный тифом организм уже начал сдавать позиции, подбрасывая все новые и неожиданные «сюрпризы». Врачи наперебой стали поговаривать об инвалидности. Николай пугался этого слова (ведь нет еще двадцати лет!), стремился интенсивным лечением вернуть здоровье. Он едет на грязь в Бердянск, возвращается в Киев, и снова в Шепетовку, и снова в Киев. И вновь уезжает в Шепетовку...

Но где бы ни был Николай Островский — в Берездове, Изяславе, Славянске, Евпатории, Сочи, — его непременно находят письма с его непреклонным штемпелем. И когда организм выносит свой суровый приговор, лишь Островского возможности вновь приехать в Киев, киевляне сами приезжают к нему.

Это случилось в начале тридцатых годов, когда Союз писателей Украины распространял на «Арсенале» анкету, расспрашивая два вопроса: ваш любимый писатель, любимое произведение.

И арсенальцы ответили: Николай Островский, «Как закалялась сталь». Были, конечно, и другие ответы, но большинство, не колеблясь, отдало симпатии Павле Корчагину. Ведь на самом заводе было в ту пору немало корчагиных, и в органичном, правдивом герое Островского многие узнавали себя.

Вскоре комсомол завода принимает решение: для встречи с Николаем Островским направить лучших представителей заводской комсомольской орга-

низации. Напутствуемые пожеланиями, нагруженные подарками, в Сочи отбывают Литейщик Николай Манзюк, кузнец Василий Головатый.

Лежа на высокой постели, Островский жадно вслушивается в рассказ о делах «Арсенала», который первым в городе поддержал обращение XVI Всесоюзной партийной конференции о разветвлении социалистического соревнования, а план первой пятилетки завершил 1 апреля 1932 года — на год и десять месяцев раньше установленного срока. На заводе значительно снижена себестоимость продукции, вскрыты внутренние резервы, созданы хозрасчетные бригады, во всех цехах выдвинут встречный промфинплан, широко развинуто движение изобретателей и рационализаторов.

— А это, товарищ Островский, вам, — говорит Василий Головатый и протягивает писателю макет пушки — той самой, что установлена на постаменте близ завода.

— Спасибо, друзья, — улыбается Островский. — Если смерть постучит в мои двери, из этой пушки я буду стрелять по ней так же, как стреляли вы, когда враг подошел к стенам «Арсенала»...

И после короткой паузы:

— А от Главных железнодорожных мастерских кто-нибудь есть?

— Есть, Николай Алексеевич.

Это был слесарь Николай Мартыненко. Он сообщил писателю, что Юго-Западная железная дорога уже давно испытывает недостатка в паровозах и вагонах, и в этом немалая заслуга коллектива, членом которого по праву считается и он, Николай Алексеевич Островский.

Тут, у колишних Киевських Юловних залізничних МАЙСТЕРНЯХ. В 1921 і 1922 роках ПРАЦЮВАВ ПОМІЧНИКОМ ЕЛЕКТРОМОНТЕРА І СЕКРЕТАРОМ КОМСОМОЛЬСЬКОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ ВИДАТНИЙ РАДЯНСЬКИЙ ПИСЬМЕННИК

Микола Олександрович ОСТРОВСЬКИЙ

— Если бы знали вы, если бы видели, как читали у нас «Как закалялась сталь»! Мы вырывали книгу друг у друга, и тогда партком решил устраивать коллективные читки. Право раньше другого прочесть очередную главу получал тот цех, у которого лучшими были производственные показатели. Во время читок у нас не было ни одного случая нарушения трудовой дисциплины.

— А песню нашу вы не забыли? — лукаво спросил Островский и тут же негромко запел:

Мы все из тех, кто выступал
На бой с Центральной радой...

А потом зазвучала украинская речь — читали «Как закалялась сталь». Островский вслушивался в каждое слово с напряженным вниманием, лицо его чутко реагировало на ход повествования, хорошо передавало тот или иной сюжет.

Украинский перевод, впервые осуществленный в Киеве, писателю очень понравился. В одном из писем он замечает: «Мне почти всю ночь читали книгу. Ее редакция и качество перевода очень хорошие. Мне кажется, что на украинском языке книга выиграла, ведь диалоги происходят на родном языке действующих лиц».

Когда Мартыненко возвратился в Киев, ему пришлось нелегко: всюду окружали люди, расспрашивали об Островском. Первополный впечатлениями от встречи, он рассказывал о ней снова и снова. Рассказывал в цехах своего и других заводов, во всех районах комсомола и горкоме, на встречах с красноармейцами и пионерами. Чтобы облегчить его «участь», заводская газета «Червоный буфер» предоставляла ему свои страницы. Мартыненко писал:

«Когда мы вошли в его комнату, я увидел болезненное лицо неподвижного человека с невидящими глазами. Мы сразу почувствовали себя неловко и по-

думали: зачем потревожили его покой. Мы поутихли, боясь сделать лишний шаг к его постели».

И вдруг мы услышали веселый, бодрый голос. И нам стало стыдно за охоту и вздох, за печальные лица и сочувственные взгляды. Мы даже были рады, что Николай Островский не видел наших лиц и наших взглядов.

Презирая свою болезнь, он много смеется, шутит. Мне кажется, чувство юмора не оставляет его никогда, а его осведомленность о делах страны и комсомола поражает.

— Сколько часов в день вы работаете? — спросили мы его.

— Ежедневно я диктую десять-двадцать часов. Пона мог, писал от руки, а теперь у меня есть секретарь, и я ей диктую.

— Но ведь и диктовать десять-двадцать часов — огромная нагрузка.

— Поймите, я должен спешить, мне ведь так много надо успеть сделать...»

...Киевский электровагоноремонтный завод имени Январского восстания имеет несколько проходных. И каждая ведет к памятнику Николаю Островскому. У этого памятника часто можно видеть ребят в железнодорожной форме. Это студенты Киевского техникума железнодорожного транспорта имени Николая Островского. Многие торжественные события — прием в комсомол, посвящение в студенты — происходят здесь, на территории бывших Главных железнодорожных мастерских, у памятника человеку, оставившему неизгладимый след в истории Ленинского комсомола.

Здесь, у памятника, часто можно встретить Василия Матвеевича Колбасинского — одного из тех, кто строил Боярскую узкоколейку. Я прошу его рассказать о том, как сложилась судьба сподвижников Николая Островского на строительстве железнодорожной ветки.

— Всего несколько лет назад ушли из жизни Миша Васильев, Миша Скворцов, Вася Фадеев, Паша Лещенко... Говоря словами Николая Алексеевича, никому из нас не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Мы были активными участниками социалистического строительства, в годы войны сражались с врагом. Да и сейчас остаемся в строю.

— Вы видели и слышали Николая Островского. Что, на ваш взгляд, выдвинуло его в комсомольского вожака? Неужто только комсомольская дисциплина побудила молодежь откликнуться на его призыв и отправиться в Боярку?

— Отвечу словами нашего друга Миши Скворцова, автора интересных воспоминаний о Николае Островском. Михаил Николаевич писал:

«Был он не старше нас годами, но участие в гражданской войне, ранение создали ему авторитет. Кроме того, он был чутким товарищем. Его любили и побаивались, так как он никому не прощал нетоварищеского поступка, промаха и разгильдяйства».

В электроаппаратном цехе имени Николая Островского знакомимся с секретарем комсомольской организации Юрием Мостовым.

— Наверное, непросто и ответственно быть комсоргом на том предприятии, где некогда вожаком знали самого пролетарского писателя?

— Конечно, непросто. Иное время, иные люди, а смотрит мы на себя особо пристально, глазами комсомольцев двадцатых. Но, думаю, наши ребята тоже бы не отступили. Сергей Гомоля, Валентин Опанасюк, Анатолий Збенацкий, Владимир Шпота, Елена Олейник, Валентина Назаренко — да разве перечислишь всех?..

А. СИГАЛОВ.

На снимках: Николай ОСТРОВСКИЙ — секретарь комсомольской организации Киевских Главных железнодорожных мастерских (1921 год); его комсомольский билет; мемориальная доска на фасаде предприятия. Фото из архива автора.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗАКАЗ № 1 ДЕК 1988 г. Киев